

М. А. ТИХАНОВА

ЛАСКОВСКИЙ КЛАД¹

Среди монетно-вещевых кладов юго-запада нашей страны, содержащих бытовые предметы и римские монеты, особо интересен клад, случайно обнаруженный еще в начале XVII в. (в 1610 г.) на правобережье Западного Буга. Клад этот был найден во время пахоты в с. Ласкове² крестьянином местного землевладельца. Тотчас же купленный у находчика клад этот довольно скоро исчез, но о покупке его и о праве владельца земли на эту находку возникло целое судебное делопроизводство, которое и сохранило нам описание клада и некоторые любопытные подробности о нем.

На рубеже XIX—XX вв. архивные данные об этой находке привлекли внимание Е. И. де Витте, которая в 1900 г. опубликовала документы, касающиеся клада, и сделала попытку, правда мало удачную, определить состав клада и установить его дату³.

Согласно описи-реестру на польском языке, клад составляли: «серебряная чарка; два предмета наподобие раков, усаженные гранатовыми камнями; четыре позолоченные бляхи, четыре серебряных крестика; четыре золотых червонца, больших, наподобие португалов, с ушками; два червонца, золотых значительно меньших, также с ушками; один червонец золотой, наподобие головки святого Иоанна, с ушком»⁴. В документах имеются сведения и о весе части предметов, и об общей стоимости находки. Так, в решении Владимирского земского суда, от 4 февраля 1621 г., который признал право на клад за владельцем Ласкова⁵, названы: «...речи: сребра, клейнотов, то ест: чарку сребрную, мающую ваги в себе гривен десет сребра албо и болшей; итем две стуце сребрныє, нахшталт раков, золотом поволоканыє

¹ См. М. А. Тиханова. Забытый памятник (Волынский клад 1610 г.). Рефераты научно-иссл. работ за 1945 г., Отд. ИФАН СССР, 1947, стр. 81.

² С. Ласков (Ласків) расположено в 10 км к юго-западу от г. Владимира-Волынского, на притоке Западного Буга р. Студянке (или Студинке; см. В. Б. Антонович. Археологическая карта Волынской губернии. Тр. XI АС, М., 1901, стр. 61).

³ Е. И. де Витте. Археологическая находка в селе Ласкове Владимирско-Волынского уезда в 1610 г. ЧИОНЛ, кн. XIV, вып. 1, Киев, 1900, стр. 86—101.

⁴ Народное название серебряных римских монет, вероятно, денариев, но возможно и более мелких единиц (квинариев и сестерциев). Широко распространенное вплоть до настоящего времени на Подолии и Волыни, а также и в Польше, оно засвидетельствовано впервые письменными источниками еще в начале XVI в.—Матвеем из Мехова, в его «Трактате о двух Сарматиях», впервые опубликованном в 1517 г. Говоря о приходе алан после довольно длительных скитаний в Польшу, или Вандалию, как он ее называет, Меховский сообщает: «С собой туда они принесли (как я сужу по некоторым признакам) громадную массу серебрянников с изображением императора Адриана, как показывает титул и подпись. Такие монеты и в наши дни попадают у поляков по течению вод, по дождевым промоинам и в земле, при обработке полей; поселяне называют их денариями св. Иоанна Крестителя, так как тисненное на них изображение головы и шеи напоминает голову св. Иоанна на блюде». См. Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. Введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского. М.—Л., 1936, стр. 75 и 155.

⁵ Чисто номинально: клад уже раньше находился в руках князя Януша Острожского, который в 1620 г. умер; дальнейшая судьба клада неизвестна.

и камнями к гранатами осажены — на каждой ступе до двудесту и чотырох камени (разрядка моя.— М. Т.); итем чотыри бляхи сребреные, золотистые, маючие ваги гривен пят; итем чотыри крижички сребреные, маючие ваги гривен три; итем чотыри червонные золотые, на кшталт португгалов, з ушьками, которые важили по дванадцати червонных золотых; итем два червонные золотые меньшие, такъже з ушками, могучи ваги мети по осми червонных золотых; один червонный золотый накшталт головки светого Яна, з маленьким ушком, маючи в себе ваги чотыри червонные золотые»⁶. Находка была оценена в 1000 польских злотых⁷.

Е. И. де Витте определяла золотые с ушками для подвешивания, согласно заключению проф. В. Б. Антоновича, как римские императорские монеты, «вещи же, имевшие подобие раков, усажены гранатовыми камнями» — предположительно, как «готские фибулы I—II вв. н. э.»⁸. В этом определении она ссылалась на мнение П. С. Уваровой, высказанное при чтении доклада, и на заметку А. А. Спицына «По поводу готских фибул, которым усвоится звериный орнамент и гранатовая инкрустация»⁹. В итоге же Е. И. де Витте полагала, что клад состоял из предметов «частью древности римской и готской, частью древности русской (между XI—XIII вв.)»¹⁰.

Определение де Витте состава клада, как видим, не точно, датировки же просто неверны.

Статья де Витте не привлекла к себе внимания. И после ее появления Ласковский клад долгое время оставался вне поля зрения исследователей, как археологов, так и нумизматов. Упоминаний о нем не встречается ни в зарубежной, ни в русской литературе. Он отсутствует в сводке К. Маевского, опиравшегося в отношении Волыни прежде всего на данные археологической карты Волынской губернии В. Б. Антоновича, в которой Ласковский клад, естественно, не отмечен¹¹. Не упоминается Ласковский клад и в первой статье М. Ю. Брайчевского, посвященной находкам римских монет на территории Украины¹². Пропустил его в первой своей сводке кладов римских монет и В. В. Кропоткин¹³. В советской литературе можно отметить отдельные, очень редкие упоминания о Ласковском кладе: О. В. Фенин¹⁴, М. Ю. Брайчевский¹⁵, В. В. Кропоткин¹⁶.

Не останавливаясь на определении достоинств золотых Ласковского клада (очевидно, они представляли четыре медальона в 9 солидов каждый, два медальона в 6 солидов¹⁷ и один медальон в 3 солида), остановимся на их датировке.

⁶ Е. И. де Витте. Ук. соч., стр. 92, примеч.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 100.

⁹ Имеется, очевидно, в виду заметка А. А. Спицына «К вопросу о происхождении так называемых готских фибул». ЗРАО, т. XI, 1—2, СПб, 1899, стр. 385—387.

¹⁰ Е. И. де Витте. Ук. соч., стр. 100.

¹¹ К. M a j e w s k i. Importy rzymskie an ziemiach słowańskich. Wrocław, 1949.

¹² М. Ю. Брайчевський. Знахідки римських монет на території УРСР, Археологія, VIII, стр. 93—101.

¹³ В. В. Кропоткин. Клады римских монет в Восточной Европе. ВДИ, 1951, № 4, стр. 243—281.

¹⁴ О. В. Фенин. Знахідки римських монет у Прикарпатті. Археологія, V, 1951, стр. 100, примеч. 5. В беглом упоминании здесь высказывается предположение, что медальоны Ласковского клада были «золотыми монетами — солидами, использованными в качестве украшений».

¹⁵ М. Ю. Брайчевський. Археологічні свідчення участі східни слов'ян у політичних подіях римської історії III—IV ст. ст. н. е. Археологія, VIII, стр. 47—48. Опираясь на рукопись одного украинского нумизмата, М. Ю. Брайчевский определяет семь золотых Ласковского клада, как медальоны IV в., номиналом в 9, 6 и 3 солида.

¹⁶ В. В. Кропоткин. Топография римских и ранневизантийских монет на территории СССР. ВДИ, 1954, № 3, стр. 175. В этой сводке Ласковский клад фигурирует, как находка семи позднеимперских золотых медальонов IV в.

¹⁷ В настоящее время число примеров находок медальонов в 6 солидов можно было бы увеличить.

Мы склонны видеть в них не просто медальоны римских императоров IV в.¹⁸, а медальоны отдаленных преемников Константина I. Основанием для такого предположения является тот факт, что в пределах относительно узкой территории — Вольты, Южная Польша и Северная Трансильвания — известен целый ряд находок медальонов императоров второй половины IV в.¹⁹. Иовиана (363—364 гг.) — один экземпляр²⁰ в Борочицах Берестечковского района Вольтинской области²¹, Валентиниана I (364—375 гг.) — один экземпляр из знаменитого трансильванского клада Силадь-Шомлио²², второй, видимо, из клада в Недзьерове под Калишем²³; Валента (364—378 гг.) — девять экземпляров, разных размеров. Один из последних (находящийся в Венском музее) происходит из одной старой венгерской находки²⁴, семь — из клада в Силадь-Шомлио²⁵ и один экземпляр из неизвестного монетного клада, обнаруженного в конце 1927 г. на пограничье Польши и России. Последний вскоре (1928 г.) поступил в Берлинский Мюнц-кабинет²⁶. Он является, согласно предположению (очень убедительному) А. Альфольди, также варварским подражанием; отлит в одной форме с вышеупомянутым медальоном Валента из клада в Силадь-Шомлио. Что касается самого клада, то А. Альфольди предполагает, что клад этот, в составе которого, по словам продававшего его лица, «были позднеимперские медальоны и простые золотые монеты (солиды) IV в. и, быть может, совершенно стершиеся серебряные денарии I—II вв. н. э., даже вместе с германскими золотыми брактеатами, служившими украшениями», мог быть составной частью Калишского или Борочицкого клада²⁷. Нам такое предположение представляется мало вероятным.

Последним в этой группе следует назвать медальон императора Грациана (375—383 гг.) из того же клада в Силадь-Шомлио²⁸.

Все сказанное заставляет нас предполагать более позднюю дату медальонов Ласковского клада, чем время Константина I и его ближайших преемников, и отодвигать ее во вторую половину, точнее в третью четверть IV в., не продвигая ее, однако, слишком далеко, в V в. Датировке V в. противоречили бы те серебряные предметы, которые составляли вещевую часть Ласковского клада и были с ними, как и в Силадь-Шомлио, в общем синхронны²⁹. Не исключено, что среди медальонов

¹⁸ Ср. М. Ю. Брайтчевский. Ук. соч., стр. 48 и его же. Римська монета на території України. Киев, 1959, стр. 125, № 71.

¹⁹ См. A. Alföldi. Materialien zur Klassifizierung der gleichzeitigen Nachahmungen von römischen Münzen aus Ungarn und den Nachbarländern. III. Nachahmungen römischer Goldmedaillons als germanischer Halsschmuck. Numismatikai Közöny, XXVIII—XXIX, 1929—1930. Budapest, 1933, стр. 10—25; Nándor Fettich. Der zweite Schatz von Szilágy — Somlyó. Archaeologia Hungarica, VIII, Budapest, 1932, стр. 47—51. Ernst Petersen. Ein neues Schatzfund aus der Völkerwanderungszeit. IPEK, 1930, стр. 55—56.

²⁰ Чеканен в Константинополе.

²¹ См. М. А. Тиханова. Борочицкий клад. СА, XXV, 1956, стр. 30—31 и рис. 2. Напомним, что в непосредственной близости от Борочиц, в 2 км от последних, в с. Красове найден золотой солид императора Юлиана (361—363 гг.). См. М. А. Тиханова. Борочицкий клад, стр. 308.

²² Чеканен в Фессалониках. См. N. Fettich. Ук. соч., стр. 47.

²³ Чеканен в Фессалониках, о чем говорит легенда, внизу на обресе поля оборотной стороны TESOB. Вес 28,8 г. См. A. Alföldi. Ук. соч., стр. 12, № 2, табл. III-a, 10.

²⁴ Вес 178,9 г. См. A. Alföldi. Ук. соч., стр. 12—13.

²⁵ Два из них — варварские подражания. См. A. Alföldi. Ук. соч., стр. 11, 13—17, табл. II, 2 и III, 1. Вес первого из них 219,49 г, второго — 412,72 г. Остальные чеканены — два в Фессалониках, два — в Риме и один — в Антиохии, на императорских монетных дворах. См. N. Fettich. Ук. соч., стр. 47—50 и A. Alföldi. Ук. соч., стр. 11—17.

²⁶ Вес медальона 242,49 г. См. A. Alföldi. Ук. соч., табл. II, 1, стр. 12 (№ 4) и 13—17; E. Petersen. Ук. соч., стр. 57.

²⁷ A. Alföldi. Ук. соч., стр. 12, № 4.

²⁸ Чеканен в Риме. См. A. Alföldi. Ук. соч., стр. 11 и табл. III, 2; также N. Fettich. Ук. соч., стр. 50, об обрамлении этого медальона см. М. А. Тиханова. Борочицкий клад, стр. 310, примеч. 1.

²⁹ М. А. Тиханова. Борочицкий клад, стр. 308.

Ласковского клада могли быть и литые, т. е. «варварского» изготовления экземпляры.

Что касается вещевой части клада, то ни у кого не вызывали сомнения серебряные, обложенные золотом предметы наподобие раков, украшенные гранатами. А. Т. Смиленко (Брайчевская)³⁰ и М. Ю. Брайчевский³¹ видели в них серебряные позолоченные, украшенные гранатами фибулы IV в. Оба последних автора сопоставляют ласковские фибулы с причерноморскими изделиями, украшенными полихромной инкрустацией, в первую очередь с типичным их образцом — Нежинской фибулой³². А. Т. Брайчевская специально подчеркивает близкое сходство этой последней (а опосредствованно и ласковских фибул) с керченскими. Других предметов из Ласковского клада А. Т. Брайчевская не касается; М. Ю. Брайчевский же относится к возможности их определения более чем скептически. «Большинство вещей, которые входили в состав клада, а именно: чаша, крестики и пластинки не поддаются определению — их описание очень невыразительно и не дает материала для исследования и даже для догадки»³³. Нам представляется, что почти все предметы клада вполне поддаются определению и прекрасно увязываются с нумизматической частью клада.

Обратимся пока к фибулам. Если определение предметов «наподобие раков» как двупластинчатых или двущитковых фибул с полукруглой головкой и ромбической ножкой, украшенных гранатами, совершенно правильно, то сближение их с Нежинской фибулой³⁴ (или фибулами — их две, но изобразительно она фигурирует всегда одна) неосновательно.

Нежинские фибулы существенно отличны от северочерноморских, специально керченских. Серебряные, обтянутые толстым листком золота, украшенные вставками гранатов, нежинские фибулы имеют весьма своеобразную округло-овальную головку или верхний щиток, совершенно не встречающийся в керченских образцах таких изделий, но известный на западе (Г. Ф. Корзухина). Нежинская фибула больше всего напоминает золотую фибулу из Зандерумгаарда (о. Фюн), найденную вместе с бронзовым сосудиком типа Нептоог и с фибулами с обернутой ножкой³⁵.

Какими же были фибулы Ласковского клада?

В дошедших до нас судебных документах, указаны такие детали, которые позволяют, как нам кажется, ответить на этот вопрос довольно точно. В них говорится, что предметы «наподобие раков», серебряные, обтянутые золотом, усажены 24 камешками гранатовыми.

Среди достаточно многочисленных двущитковых фибул с полукруглой головкой с выступами и с вытянутой ромбической ножкой, украшен-

³⁰ А. Т. Смиленко. Про деякі датуючі речі в культурі полів поховань. Археологія, VI, 1952, стр. 68; е е же. Деякі археологічні дані про торгівлю древніх слов'ян з кримськими містами. Археологія, т. X, 1957, стр. 117. В первой своей статье А. Т. Брайчевская указывает, что в составе Ласковского клада кроме двух фибул и серебряной чаши было найдено семь позднеримских медальонов IV в. (стр. 68 и 71).

³¹ М. Ю. Брайчевский. Археологічні свідчення, стр. 47—48.

³² Там же.

³³ Там же. Единственно, в чем можно согласиться с М. Ю. Брайчевским, это в том, что наличие в кладах крестиков не указывает на его христианский характер и тем более не является доказательством его поздней датировки.

³⁴ И. И. Голстой и Н. П. Кондаков. Русские древности, вып. III, СПб., 1890, стр. 148, рис. 175; Микола Макаренко. Ніженська фібула. «Збірник на пошану М. С. Грушевського», Київ, 1928, стр. 31—43, рис. 1—3; Л. А. Мациулевич. Серебряная чаша из Керчи, Л., 1926, стр. 41. То же повторил в своей работе «Древние русы» и Б. А. Рыбаков (СА, XVII, 1953, стр. 57, рис. 5).

³⁵ См. N. Å b e r g. Vorgeschiedliche Kulturkreise in Europa. Bilderatlas mit Erläuterungen, Kopenhagen, табл. XXXVI, 29. Ранее она была опубликована Гремплером (см. Dr. G r e m p l e r. Der Fund von Sackrau, Braunschweig, 1887, табл. V, 10) в качестве параллели к фибулам из 1-го погребения в самом Закжове (Сакрау). Близкая серебряная фибула известна в Рьогнехьой. См. N. Å b e r g. Ук. соч., табл. XXXVI, 47.

ных гранатами, есть и золотые ³⁶, но их мало. Значительно больше фибул серебряных, обтянутых золотым листком и украшенных гранатами (или алмадинами), а иногда также и единичными вставками из зеленой пасты или стекла. Таково большинство фибул из того же Силадь-Шомлио ³⁷, из очень близкого к нему погребения в Унтерзибенбрунн (Австрия) ³⁸, из Рабапордань (Венгрия, ком. Шопрон) ³⁹ и др. У большего числа этих фибул, различных по размерам (в Силадь-Шомлио размеры

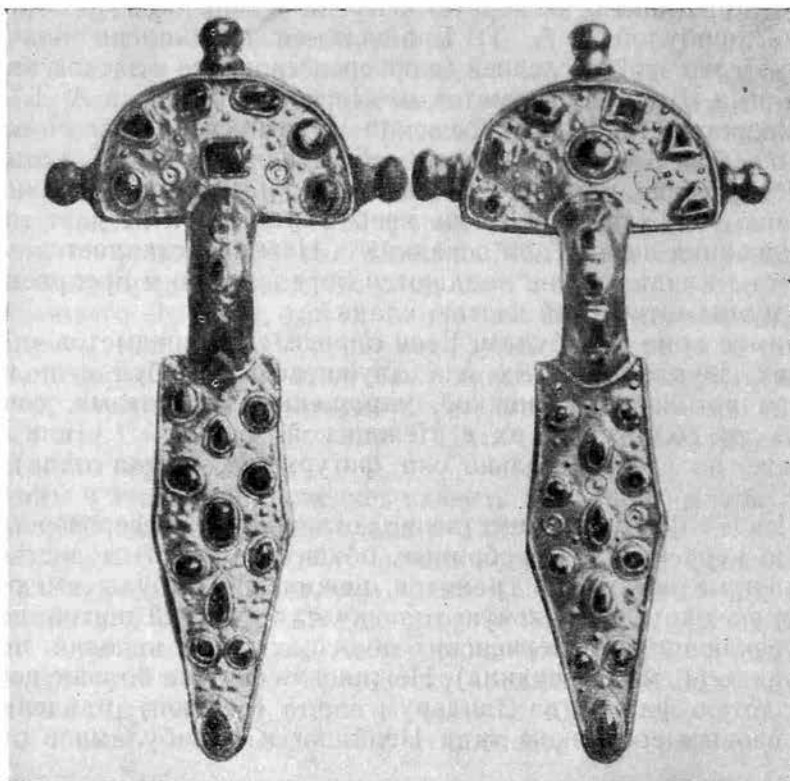

Рис. 1. Рабапордань, Венгрия. Фибулы из погребения

эти колеблются от 12,7 до 24,5 см, в Круглице длина их 18,5 см), число вставок из гранатов, зеленого стекла, а иногда и сердоликов (единично и из хрусталя) — очень велико, достигая до 44, 48 и даже 56 штук ⁴⁰.

Но среди этих фибул встречаются и такие, поверхность которых украшена 24 камнями. Таковы очень близкие по типу и по времени к фибулам из Силадь-Шомлио и Унтерзибенбрунн две фибулы из погребения в Рабапордань (рис. 1). Фибулы эти серебряные, обтянутые листком золота, с полукруглой головкой с тремя выступами. Размеры их 12,5 и 12,7 см. Игла и пружина у них тоже серебряные. Украшающие их камни, как и в Силадь-Шомлио, видимо, пиропы. Особенностью этих фибул является то, что камни в них — полукруглые, конусовидные,

³⁶ Например, пара фибул во втором кладе Силадь-Шомлио, который мы особенно часто вспоминали в связи с монетной частью Ласковского клада. См. N. Fettich. Ук. соч., табл. VIII.

³⁷ Там же, табл. IX, сл.

³⁸ W. Kubitschek. Grabfunde in Untersiebenbrunn (auf dem Marchfeld). Jahrbuch für Altertumskunde, т. V, Wien, 1911, табл. 1.

³⁹ Ferdinand Fettich. Über die Erforschung der Völkerwanderungszeit in Ungarn. JPEK, 1926, стр. 267, табл. 19; A. Alföldi. Ук. соч., табл. X, XI.

⁴⁰ Например, в фибулах в Унтерзибенбрунн, при длине фибул в 15 см и ширине 5,6 см, вставок из гранатов имеется — на головке 18, на ножке — 22, на дужке — 14. На Керченских фибулах, наоборот, их мало и самые фибулы очень невелики, длина — 7—8 см. См., например, М. Макаренко. Ук. соч., стр. 36, рис. 4—5.

иногда плоские и даже специально отшлифованные, положены на подкладке из листка бронзы, а не золота⁴¹. Вместе с фибулами в погребении найдены серебряные изделия: браслет, топорovidные подвески⁴², зубочистка, пинцет и копоушка, серебряные граненые и янтарные бусы, много колец с обмотанными концами⁴³ и золотая цепь с листовидными

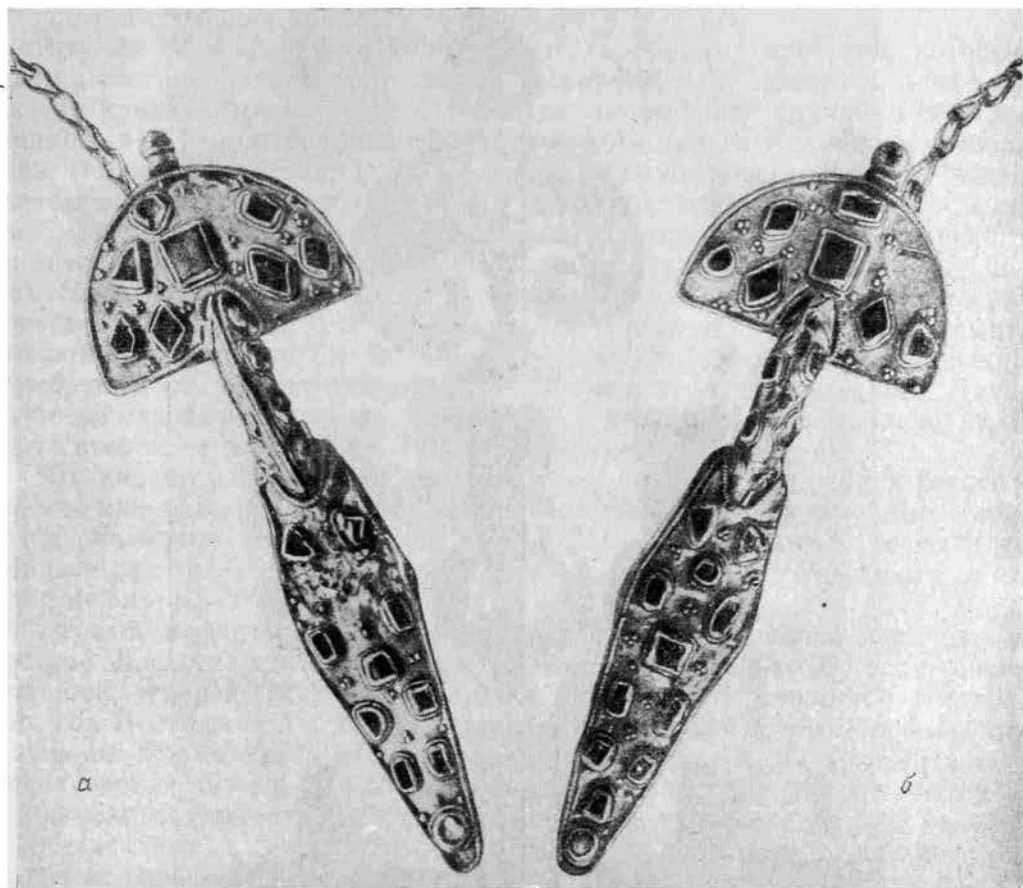

Рис. 2. Эран, Франция. Фибулы из погребения.

подвесками. Ф. Феттих датирует Рабапордань временем не ранее середины третьей четверти IV в.⁴⁴, А. Альфöldи, так же как и Силадь-Шомлио, около 400 г.⁴⁵

Вторую аналогичную или, во всяком случае, близкую пару фибул мы находим на далеком западе, в современной Нормандии, в погребении, видимо, женском, у с. Эран, близ г. Кана. Фибулы здесь также парные и соединены серебряной цепочкой (рис. 2). Размер их 15,5 см.

Фибулы из Эрана, как и венгерские, — серебряные. Они обтянуты листком золота и украшены гранатами (или альмандинами) в виде треугольников, прямоугольников и ромбов. Их тоже 24 — семь на головке, восемь на дужке и девять на ножке. Правда, эранские фибулы еще дополнительно украшены вставками из зеленого стекла, по одной на ножке

⁴¹ Находка хранится в Будапеште, в Национальном музее Венгрии. Опубликована впервые, как уже говорилось, в год ее открытия Ф. Феттихом (F. Fettich. *Über die Erforschung...*, стр. 267, табл. 19). Публикация А. Альфöldи повторная, но более детальная (A. Alföldi. *Ук. соч.*, стр. 37, 72, 73, табл. X—XI).

⁴² Ср. топорovidные подвески в погребении в Борохтянской Ольшанке в Среднем Поднепровье. См. А. А. Спицын. *Поля погребальных урн*. СА, X, 1948, рис. 6.

⁴³ F. Fettich. *Über die Erforschung...*, табл. 19.

⁴⁴ F. Fettich. *Der Zweite Schatz...*, стр. 70, примеч. 3.

⁴⁵ A. Alföldi. *Ук. соч.*, стр. 73.

и на головке, и одним кабошоном из сердолика на ножке. Головка фибул, видимо, имела первоначально пять выступов, из которых в настоящее время сохранился только один ⁴⁶.

Без сомнения, нормандские фибулы не тождественны с венгерскими, хотя и принадлежат к одной группе; они отличаются от первых более

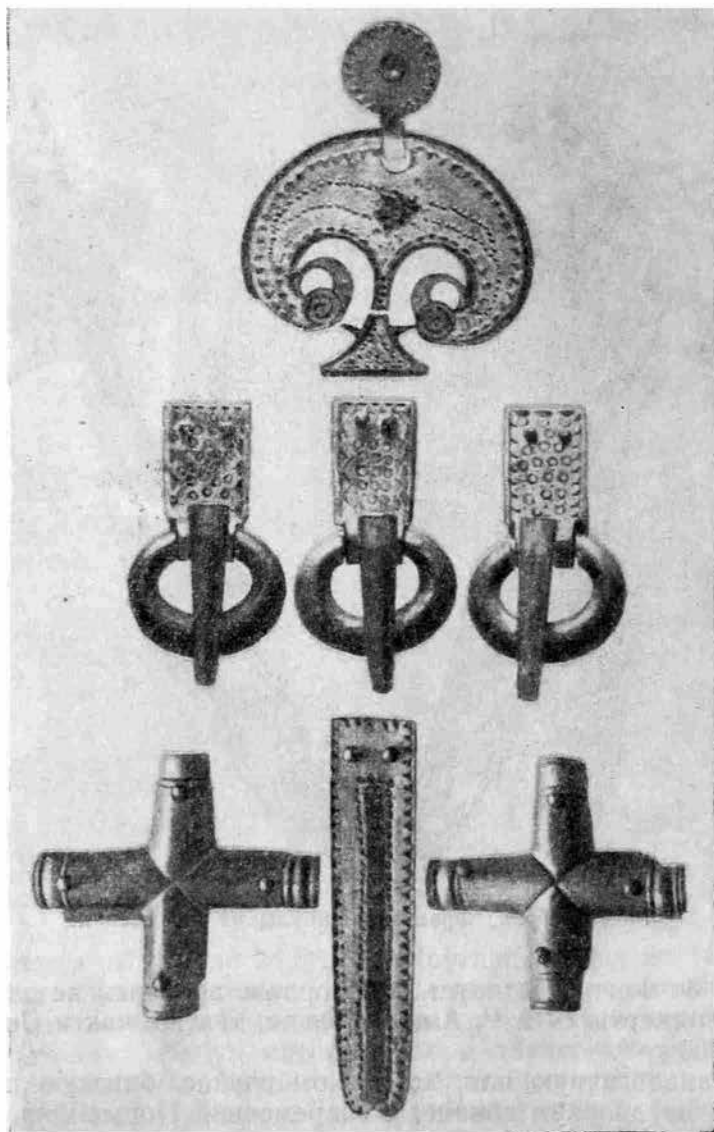

Рис. 3. Якушовицы, Польша. Серебряные накладки из погребения

вытянутой ножкой и формой камней, что, может быть, указывает на их несколько более позднюю дату. Опубликовавшие их исследователи сближают их с группой Силадь-Шомлю, в том числе и с фибулами Рабапордань, и видят в них, по нашему мнению, справедливо работу понтийских мастеров, быть может, пришлых ⁴⁷.

Итак, нам кажется, что фибулы Ласковского клада были того же типа, что и только что рассмотренные нами венгерская и западная пара фибул, но к какой из двух пар они были ближе, решить не в наших

⁴⁶ E. Salin et Lefranc Le Nord, Le trésor d'Airan en Calvados. Monuments Piot, 43, Paris, 1949. Наш рисунок 2 воспроизводит частично табл. XIV, 1.

⁴⁷ Ср. напр., М. А. Тиханова. Борчицкий клад, стр. 312, 314.

силах. Правда, остальные находки клада говорят как будто бы за вторую, нормандскую пару.

Достаточно ясными представляются нам и другие предметы, входившие в состав Ласковского клада. Так, вряд ли можно сомневаться в том, что упоминаемые в документах серебряные крестики и серебряные позолоченные бляхи — это части набора украшений конской сбруи, довольно обычные в находках конца IV — начала V в.⁴⁸

Все эти образцы иного типа, чем те серебряные крестики, которые были в составе Ласковского клада. Последние, надо полагать, наиболее близки накладкам из богатого воинского погребения, случайно обнаруженного в 1913 г. в Якушовицах Пинчувского округа Келецкого воеводства (Польша), где наряду с золотым оружием были найдены части серебряной конской уезды — крестовидные накладки, размером 3 × 3 см (рис. 3)⁴⁹. Н. Оберг видел в Якушовицах готский памятник гуннского времени (конец IV в.). — набор его конской уезды с вышеупомянутыми северчерноморскими находками (Здвиженское, Новогригорьевка). Венгерские исследователи (Д. Ласло и И. Хаматта) усматривают в Якушовицком погребении памятник гуннский, но конский серебряный его убор признают не гуннским, а явно южнорусским. Датируют же они погребение не концом IV в., а началом V в. (Д. Ласло), или даже второй четвертью V в. (430—450 гг. — по И. Хаматта).

Что касается серебряных позолоченных блях, упомянутых в реестре, то, как нам кажется, это тоже части конского набора, видимо, того типа, что и найденные под Ровно, или находившиеся в собрании Ханенко⁵⁰; их вряд ли следует отделять от крестиков, — видимо, они составляли с ними одно целое.

Труднее всего определить, какова та серебряная чарка или чаша в составе Ласковского клада, о которой известен только ее вес — очень большой, «гривен десет сребра албо и болшей»⁵¹. В синхронных находках как Восточной, так и Центральной Европы примеров подобных памятников относительно очень немного. Например, А. Т. Браичевская в обеих своих статьях, касающихся южного импорта и связей лесостепи с крымскими городами, не смогла назвать ни одной серебряной чаши⁵².

Не исключено, правда, что это могла быть чаша-тазик с ободком из крупных горошин типа керченских из склепа Гордиковых⁵³ или склепа № 145⁵⁴ или однотипного с ними склепа в Сулино, Донской области⁵⁵. Еще более вероятно и другое — что это была чаша, подобная той, кото-

⁴⁸ Например, накладка из Здвиженска Новогригорьевского у. Ставропольской губ. (см. Н. П. Кондаков. Указатель отделения средних веков и эпохи возрождения. ИЭ, СПб., 1891, стр. 267); бляхи из VIII кург. в Новогригорьевке (см. Д. Я. Самоковцов. Основание хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей. Варшава, 1892, стр. XXX—XXXI, табл. IX, 17. ОАК за 1883—1884 гг., стр. 211, А. Alföldi. Ук. соч., табл. XXII, 17, ср. также Т. Н. Минаева. Погребение с сожжением близ гор. Покровска, УЗСГУ, т. VI, 1927, стр. 94, табл. III, 21); бляхи из кургана под Ревно (см. Каталог Выставки XI-го Археологического съезда в Киеве. Киев, 1899, стр. 82, № 147, и стр. 155, № 551).

⁴⁹ N. Aberg. Till belysande av de gotiska kultur anslaget i Mellaneuropa ock Skandinavien. Fornvännen, 1936, стр. 264—277, табл. III, 24, 25. Наш рис. 3 воспроизводит таблицу III Н. Оберга; ср. Gy. Laszlo. The Significance, of the Hungolden Bow. Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae, т. I, вып. 1—2, 1951, табл. XIX, 9—10. Специальный экскурс посвящен погребению в Якушовицах. См. также J. Harmatta. The Golden Bow of the Hun. Там же, стр. 106—112, 134, 148—149. Гуннские элементы видит в Якушовицком готском погребении и Ю. Костжевский. См. J. Kostrzewski. Pradzieje Polski. Poznań, 1949, стр. 219, 221, 222.

⁵⁰ Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. IV, Киев, 1901, стр. 22, табл. XI, 288—290.

⁵¹ Е. И. де Витте. Ук. соч., стр. 92.

⁵² А. Т. Смиленко. Ук. соч.; А. Т. Браичевська. Ук. соч.

⁵³ Л. А. Мацулевич. Ук. соч., стр. 18, 23, 28 и табл. II, 1.

⁵⁴ Там же, стр. 19, 23, 28 и табл. II, 2.

⁵⁵ Там же, стр. 24, 26.

рая входила в состав 1-го погребения в Закжове (Сакрау)⁵⁶, напоминающая по своей форме бронзовый котелок из погребения в Рудке⁵⁷.

Несомненно одно, что это не могла быть литая, украшенная рельефными изображениями, двуручная чаша, типа чаши из Островян (Остропатака)⁵⁸ или также сплошь покрытая рельефным узором чаша, как литые чаши из могильника в Леуне (Мерзербург)⁵⁹, ибо об этом, вероятно, было бы упомянуто в реестре. Не мог это быть, очевидно, и большой кубок, частично позолоченный и украшенный сценой звериного гона по верхнему наружному краю, как кубки в погребениях с о. Зеланд⁶⁰.

Все сказанное заставляет нас видеть в Ласковском кладе находку, синхронную с Борочицкой, и относить зарытие ее к рубежу IV—V вв. или к началу V в.⁶¹

В рамках настоящей статьи мы не касаемся вопроса об исторической значимости Ласковского клада. Общие наши соображения мы высказали, говоря о Борочицком кладе⁶², в развернутом же виде они могут явиться предметом специального рассмотрения⁶³.

⁵⁶ H. J. Eggerts. Der römische Import im freien Germanien. Hamburg, 1951, Tafeln und Karten, табл. 60.

⁵⁷ М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, № 4, стр. 191, рис. 17, 13; ср. H. J. Eggerts. Ук. соч., табл. 7, 62.

⁵⁸ Там же, табл. 14, 169.

⁵⁹ Там же, табл. 14, 179, а также N. Åberg. Bilderatlas, табл. XXXIII, 5.

⁶⁰ H. J. Eggerts. Ук. соч., табл. 14, 177; N. Åberg. Ук. соч., табл. XXXV, 2, XXXVI, 22, а также J. Fettich. Der Schildbuckel von Negpalu. Acta Archaeologica, I, København, 1930.

⁶¹ М. А. Тиханова. Борочицкий клад, стр. 308. В. В. Кропоткин относит зарытие обоих кладов (Ласковского и Борочицкого), так же как и Нежинского, ко времени несколько более раннему. См. В. В. Кропоткин. Из истории денежного обращения в Восточной Европе в I тысячелетии н. э. СА, 1958, № 2, стр. 282.

⁶² М. А. Тиханова. Ук. соч., стр. 308—317.

⁶³ Нельзя, однако, не заметить, что высказанное в печати предположение о возможности видеть на Волини в районе концентрации римских медальонов (в кладах в Борочицах, в Бранах и в Ласкове; см. А. Т. Смиленко. Деякі датовані речі..., стр. 68), один из центров группировки раннеславянских дружин, не подтверждается археологическими данными. Проведенная в 1958 г. Днестровско-Волинской экспедицией под руководством автора разведка по р. Липе, где расположены и Борочицы, и Браны, показала полное отсутствие поселений I тысячелетия н. э.